

П. ФЛОРЕНСКИЙ И А. СОЛЖЕНИЦЫН О ПРИРОДЕ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

*Работа представлена кафедрой русской литературы XX в.
Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.
Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Л. Е. Герасимова*

На материале статьи Флоренского «Около Хомякова» и «Красного Колеса» Солженицына рассматриваются теория сакрального происхождения царской власти и восходящая к Руссо мифологема общественного договора.

The article deals with the theory of sacral genesis of tsarist power and Rousseauistic mythologeme of Social Contract in Florensky's article «Around Khomyakov» and Solzhenitsyn's «Red Wheel».

Размышления о Павла Флоренского о природе царской власти содержатся в его статье «Около Хомякова: Критические заметки». Формально являясь откликом на монографию В. Завитневича «А. С. Хомяков», статья далеко выходит за рамки рецензии по глубине содержания и разнообразию затронутых проблем, из которых мы коснемся лишь названной выше. Контекст, в котором Флоренский рассматривает эту проблему, – его полемический анализ суждений Хомякова о всечеловеческом суверенитете в церковных делах: «А что теории суверенитета Хомяков держится вообще – это несомненно: он открыто высказывает ее в своих исторических соображениях о происхождении династии Романовых <...>. Русские цари самодержавны потому, полагает он, что таковою властью одарил их русский народ после Смутного времени. Следовательно, не народ-дети от Царя-

отца, но отец-Царь – от детей-народа. Следовательно, Самодержец есть самодержец не «Божиею милостию», а народной волею. Следовательно, не потому народ призвал Романовых на престол царский, что в час просветления <...> узрел свершившееся определение воли Божией, <...> а потому избрал, что так заблагорассудил наилучшим для себя – даровать Михаилу Феодоровичу власть над Русью <...>. И первый Романов не потому воссел на престол, что Бог посадил его туда, а потому, что вступил в «договор с народом». Следовательно, приходится заключить далее, что «сущие власти» не «от Бога учинены суть», но от *contrat social*». Флоренский отмечает, что для неверующего здесь нет противоречия, но ведь «сам Хомяков отрицает чисто юридическую постановку общественных и государственных вопросов и требует возглавления всего верою». Для

внерелигиозной мысли естественно, что самодержавие установлено самим народом с некими прагматическими целями. Однако «будет ли такое «самодержавие» самодержавием? – В том-то и дело, что в сознании русского народа самодержавие не есть юридическое право, а есть явленный самим Богом факт, милость Божия, а не человеческая условность, так что самодержавие Царя относится к числу понятий не правовых, а вероучительных, входит в область веры, а не выводится из вне-религиозных посылок, имеющих в виду общественную или государственную пользу»¹.

Очевидное совпадение хомяковских построений с руссоистской мифологемой общественного договора отмечал и В. Зеньковский: «...у Хомякова есть нечто, аналогичное учению Руссо о народном суверенитете. <...> Народ, будучи источником власти, вручает эту власть царю»². В свою очередь, мысли Флоренского о природе самодержавия созвучны святоотеческой традиции, в которой царская власть сакрализована. Так, преп. Иосиф Волоцкий писал: «Царь, по своей природе, подобен всякому человеку, а по своей должности и власти подобен Всевышнему Богу». Зеньковский, приводя это высказывание преп. Иосифа, отмечает: «Возвеличение <...> царской власти не было просто «утопией», не было, конечно, и выражением «сервизма» (церковные круги сами ведь создали идеологию о царской власти), а было выражением *мистического понимания истории*. Если смысл истории – запредельный (подготовка к Царству Божию), то самый процесс истории хотя и связан с ним, но связан непостижимо для человеческого ума. Царская власть и есть та точка, в которой происходит встреча исторического бытия с волей Божией. Тот же Иосиф Волоцкий, который, как мы видели, так возвеличил царскую власть, твердо исповедал, что неправедный царь – «не Божий слуга, но диавол». Это учение о царе – не утопия, не романтика, а своеобразная историософия»³. Глубокая

разработка этой историософии содержится в трудах св. митрополита Московского Филарета (Дроздова), св. праведного Иоанна Кронштадтского, св. Иоанна Максимувича, других святых и подвижников благочестия.

Статья «Около Хомякова» была написана в начале 1916 г. До крушения монархии оставался год с небольшим. В том умонастроении, в котором пребывало тогда русское образованное общество, давно отошедшее от Церкви, мысль Флоренского о религиозном, вероучительном наполнении понятия «царская власть», конечно, не могла быть услышана.

Поводом для сопоставления суждений по названной теме П. Флоренского и А. Солженицына стало поразительное созвучие мнений последнего с критикуемыми Флоренским воззрениями Хомякова. В нашу задачу не входит рассмотрение того, носит ли это частное сходство типологический характер или оно обусловлено влиянием старших славянофилов на Солженицына. У него, разумеется, есть точки соприкосновения с ними (содержательная критика Запада и петровских реформ), есть и пункты расхождения (неприятие крестьянской общины и панславизма). Отношение писателя к наследию славянофилов не раз становилось объектом исследовательского внимания, однако отмеченное нами сходство Солженицына и Хомякова в понимании природы царской власти, насколько нам известно, еще никем не рассматривалось.

Развернутых высказываний о царской власти у Солженицына нет. Но его воззрения на этот счет эксплицированы в публицистических работах (например, в статье «Русский вопрос» к концу XX века», где практически все действия царей интерпретируются как цепь ошибок и провальных решений) и особенно наглядно – в «Красном Колесе». Прежде всего это пристрастно-несправедливое, а временами почти карикатурное изображение Николая II на страни-

цах эпопеи. Царь, по Солженицыну, – главный виновник катастрофы 1917 г. При субъективно добрых намерениях он, в силу мелочности и пошловатости своей натуры, просто «профнепригоден» для царского служения, органически неспособен выполнять миссию, к осуществлению которой призван историей. В другой работе мы, сопоставляя «царские» страницы эпопеи с историческими источниками, попытались показать, что по крайней мере в изображении этого героя вымысел романиста явно доминирует над исторической точностью – вопреки многочисленным авторским декларациям о строгом следовании документам⁴. Экспликацию взглядов писателя на монархию мы видим и в повествовании о земце Д. Шипове – одном из его любимых исторических деятелей: «...раскол земского съезда <...> уходил к корням мировоззрения. Шипов указывал <...>, что класть в основу реформы идею *прав и гарантий* – значит вытравлять <...> из народного сознания еще сохраненную в нем религиозно-нравственную идею. Оппоненты <...> за то называли его славянофилом, хотя не признавал он ни божественного происхождения самодержавия, ни превосходства православия над другими христианствами, но уж так усвоено было полувеком раньше (да и полувеком позже), что всякий, кто хочет уклониться от прямого следования западным образцам <...>, допускает, что путь России (или другого какого континента) может оказаться своеобразным, – есть *реакционер, славянофил*»⁵. Здесь явно присутствуют и черты автопортрета – не случайно упоминание «полувека спустя». Сочувственно приводится и такое мнение Шипова: «...неверно приписывать христианству взгляд, что всякая власть – божественного происхождения и надо покорно принимать ту, что есть. Государственная власть – земного происхождения и так же несет на себе отпечаток людских воль, ошибок и недостатков» (3, 80). Напомним, однако, что этот «неверный» взгляд «приписал» христианству не кто иной, как апостол Павел: «Всякая душа да будет покорна

высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13: 1). Вместе с тем в Новом Завете четко обозначены границы лояльности земным властям: повиновение им не должно касаться внутренней жизни христианина – его веры и христианской проповеди. Но ведь в эпоху Шипова совсем иные причины мешали и ему, и тем, кто левее, покорно принимать власть «ту, что есть»...

В эпопее есть и монархистка, Ольда Андозерская, причем автор отмечает, что через эту героиню «частью изложена система взглядов на монархию профессора И. А. Ильина» (4, 584). Отметим, что через нее же порой выражается взгляд на монархию Солженицына. Вот протагонист произведения Воротынцев, относящийся к царю с неприязнью, временами граничащей с ненавистью, вопрошает Ольду, в чем «цель этого несчастного помазания? Чтобы Россия безвыходно погибла?» Ольда отвечает: «Вот это нам – не дано» (3, 402). «Монархистка» Андозерская почему-то априорно согласна с тем, что Николай II – несчастье России, ее гибель. Читатель же вправе предположить, что *монархисты* так думать не могли, а тех, кто мог, нельзя назвать монархистами. (В счет не идут псевдомонархисты вроде В. Пуришкевича или Ф. Юсупова, прикрывавшие промонархической риторикой собственные цели. Аннигиляция монархического чувства в образованном слое как одна из причин революции – отдельная большая тема.) В образе Андозерской, в целом ярком и убедительном, здесь явно нарушена художественная логика: слишком слышится в словах героини суфлирующий авторский голос.

Историософский дискурс Солженицына неоднократно становился объектом исследовательского внимания. Установилось мнение, что Солженицын – христианский писатель с провиденциальным пониманием истории. На наш взгляд, это верно, однако с той оговоркой, что отношение Солженицына к монархии совпадает с почти во всем остальном ему чуждой просвещенческой, либерально-прогрессивной парадигмой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Флоренский П.* Около Хомякова // Флоренский П. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 298.

² *Зеньковский В.* История русской философии. Харьков, 2001. С. 199.

³ Там же. С. 41–42.

⁴ *Гаркавенко О. В.* Образ Николая II в «Красном Колесе» А. И. Солженицына и исторический контекст 1990-х гг. // Мир России в зеркале новейшей художественной литературы: Сб. науч. трудов. Саратов, 2004. С. 9–21. Расширенный вариант этой же статьи: К вопросу о достоверности изображения Николая II в «Красном Колесе» А. И. Солженицына // Интерпретация семантических отношений текста: Межвузовский сб. научных трудов. Саратов, 2006. С. 107–132. Полный вариант см.: www.sgu.ru/hgram

⁵ *Солженицын А. И.* Красное Колесо: В 10 т. М., 1993–2001. Т. 3. С. 85. Далее сноски на это издание в тексте с указанием в скобках тома и страницы.